

Гродзенскі абласны
выканаўчы камітэт

Нацыянальная акадэмія
наук Беларусі

Беларускі дзяржаўны
універсітэт

Гуманітарны цэнтр
даследаванняў Усходняй Еўропы

Гродзенскі дзяржаўны
універсітэт

Чаркаскі нацыянальны
універсітэт

Беларусь, Расія, Украіна: дыялог народаў і культур

Серыя
“Гістарыяграфічныя даследаванні”

Гродзенскі дзяржаўны музей
історыі рэлігіі

Гродна
2013
ЮрСаПрынт

УДК 930.1(477+476+475)
ББК 63.3

Рэдакцыйная калегія:

Караў Д. У., д. гіст. н., праф. (г. Гродна, Рэспубліка Беларусь) – галоўны рэдактар
Масненка В. В., д. гіст. н., праф. (г. Чаркасы, Украіна) – нам. галоўнага рэдактара

Борак Г. У., д.гіст.н., праф. (г. Кіеў, Украіна)
Бумблаускас А., д. габ., праф. (г. Вільнюс, Літоўская Рэспубліка)
Васіленка В. А., д.гіст.н., праф. (г. Днепрапятроўск, Украіна)
Галенчанка Г. Я., д.гіст.н., праф. (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)
Гарбацкі А. А., д.гіст.н., праф. (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)
Задаражнюк Э. Р., д.гіст.н., галоўн. н. с. (г. Масква, Расійская Федэрацыя)
Карнілава Л. А., дырэктар ГДМГР (г. Гродна, Рэспубліка Беларусь)
Мартынюк А. В., к.гіст.н., дац. (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)
Марзалюк І. А., д.гіст.н., праф. (г. Магілёў, Рэспубліка Беларусь)
Мірановіч А., доктар габ., праф. (г. Беласток, Рэспубліка Польшча)
Махначова М. П., д.гіст.н., праф. (г. Масква, Расійская Федэрацыя)
Рыбак А. А., нам. дырэктара ГДМГР (г. Гродна, Рэспубліка Беларусь)
Яноўскі А. А., к.гіст.н., праф. (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

Беларусь, Расія, Украіна: дыялог народаў і культур / склад. Д. У. Караў, В. В. Масненка. (Серыя “Гістарыяграфічныя даследванні”). – Гродна: ЮрсаПрынт, 2013. - 424 с.

ISBN 978-985-90842-58-14

Аснову калектыўнай навуковай работы “Беларусь, Расія, Украіна: дыялог народаў і культур” складаюць навуковыя даследванні, прадстаўленыя ў фармаце дакладаў удзельнікаў міжнародных навуковых канферэнцый, якія былі праведзены ў г.Гродна 27 – 29 красавіка і 2 – 4 ліпеня 2012 г. на базе Гродзенскага дзяржаўнага музея гісторыі рэлігіі, Гуманітарнага цэнтра даследванняў Усходняй Еўропы і Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.

Даследчыкі з Беларусі, Украіны, Расіі і Польшчы разглядаюць уплыў гістарычнай навукі ў сваіх краінах на фарміраванне гістарычнай свядомасці ўсходнеславянскіх народаў у перыяд Новага і Навейшага часу, закранаюць праблемы гісторыі ўзаемаадносін народаў-суседзяў у гістарычнай памяці і прафесійнай гістарыяграфічнай традыцыі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы.

Кніга разлічана як на прадстаўнікоў навуковай супольнасці, так і шырокія колы чытачоў, якія цікавяцца гісторыяй культуры народаў Усходняй Еўропы.

УДК 930.1(477+476+475)
ББК 63.3

Міжнародны беларуска-украінскі выдавецкі праект рэалізаваны ў межах дзяржбюджэтнай тэмы А 39 – 11 “Замежнае беларусазнаўства XVI – пач. XXI ст.: асноўныя этапы і праблемы станаўлення і развіцця” (ДПНД “Гісторыя, культура, грамадства, дзяржава. 2011 – 2015 гг.”)

ISBN 978-985-90842-58-14 (Серыя “Гістарыяграфічныя даследванні”)

© ГЦДУЕ, 2013
© ГДМГР, 2013
© ЧНУ ім. Б. Хмяльніцкага, 2013
© Аўтары артыкулаў, 2013
© Серыя “Гістарыяграфічныя даследванні”

УДК 930.1

Александр Литвинский,
(БарГУ, г. Барановичи)ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
В ЗАПАДНОРУССИССТКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье определяется и оценивается концептуальный вклад историков-западноруссисстов в исследование истории Великого княжества Литовского.

The achieved results make it possible to determine and to assess the significance conceptual contribution of historians who deal with zapadno-russism, to the studying history of the Grand Duchy of Lithuania.

Западноруссизм – влиятельная в свое время (во второй половине XIX – начале XX в.) идеология, оказавшая значительное влияние на развитие историографии Великого княжества Литовского. Собственно говоря, западноруссизм и создал историографическую школу, виднейшие представители которой – один из вдохновителей анализируемого направления, его идейный и научный лидер М.О. Коялович, а также П.Д. Брянцев, Л.М. Солоневич и др. – внесли немалый вклад в изучение истории ВКЛ. Правда, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что взгляд на историческое прошлое Литвы, Беларуси и Украины, который отстаивал М.О. Коялович, его единомышленники, ученики и последователи, был во многом изначально задан идейно-политическими пристрастиями западноруссисстов. Своеобразная «сверхзадача», которую ставили перед собой приверженцы рассматриваемого направления историографии, заключалась в доказательстве «русскости» данного региона Европы.

Кстати говоря, понимание этой «русскости» весьма разнилось даже в рамках анализируемой школы исторической науки: от белорусского (и отчасти украинского) этнографизма, который предполагал признание, пусть себе и в определенных рамках, белорусской и украинской самобытности, до жесткой установки на унификацию белорусов и украинцев по великорусскому образцу, что означало их фактическую ассимиляцию [7, с. 212 – 238]. Неизменным при этом оставался антиполонизм представителей данного направления общественно-политической и научно-исторической мысли. Антиполонизм этот иногда приобретал форму воинствующей полонофобии, что, в свою очередь, накладывало существенный отпечаток на научные построения историков-западноруссисстов. Несколько утрируя, можно всё же утверждать, что для них история Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского была настолько хороша, насколько в ней преобладало русское начало, и настолько плоха, насколько в ней одерживало верх начало польское. Данный тезис, превращавшийся под пером представителей западноруссисстской историографии в непреложный и незыблемый постулат, красной нитью проходит через их научные труды, в которых в той или иной степени затрагиваются вопросы истории ВКЛ.

Характерно, что исторические построения приверженцев западноруссизма в историографии нашли, уже в начале XX в., живейший отклик у сторонников, если можно так выразиться, «политического западноруссизма», видевшего главного оппонента в в пропольски настроенной части общественности региона. Собственно говоря, М.О. Коялович был не чужд политической деятельности, пусть себе и в форме написания и издания публицистических статей, а Л.М. Солоневич и вовсе являлся

практикующим политиком, пусть себе и не такого большого масштаба. Этот фактор также надо учитывать, давая оценку взглядам историков данного направления.

Следует отметить, что «долюблинскому» периоду истории региона исследователи, придерживавшиеся западноруссистских взглядов, уделяли всё же меньше внимания, чем «послелюблинскому». Связано это было с тем, что ведущие представители данной историографической школы большое внимание уделяли конфессиональной истории, бурные события которой происходили в основном на протяжении второй половины XVI – XVIII вв., т. е. в период существования Речи Посполитой (здесь имеются ввиду Реформация, Контрреформация, заключение Брестской церковной унии, а также связанные с действием конфессионального фактора политические события). Пожалуй, именно этот, несчастливый с их точки зрения, период предстал в трудах М.О. Кояловича и его последователей в качестве своеобразного «осевого времени» истории «Западной России» (Литвы, Беларуси и Украины по их терминологии). Нет, было бы излишне категорично утверждать, что «долюблинскую» историю ученые анализируемого направления рассматривали в качестве прелюдии к истории Речи Посполитой, однако необходимо заметить, что вряд ли они выделяли историю ВКЛ XIII – XV вв. в качестве самостоятельного предмета исследования.

Каковы же были концептуальные позиции сторонников западноруссизма по отношению к историческому прошлому Литвы, Беларуси и Украины, чьи земли некогда входили в состав ВКЛ?

В основу периодизации истории региона М.О. Коялович положил принцип его государственной принадлежности и выделил в их истории пять периодов:

«I. Разделение русского народа на две половины и попытки Западной России образовать свой центр.

II. Соединение Западной России с Литвой.

III. Соединение Литовско-Западнорусского княжества с Польшею, посредством чисто внешнего союза.

IV. Слитие Западной России с Польшей и распадение Русско-Польского государства.

V. Аномальное развитие русско-польского вопроса» [3, с. 66] (имеется ввиду период пребывания края в составе Российской империи — А. Л.). Со схемой периодизации, предложенной М.О. Кояловичем, почти совпадает схема П.Д. Брянцева [1, с. 6, 7]. Единственное отличие – в рубеже между вторым и третьим периодами: у Кояловича это Кревская уния, а у Брянцева – конец правления Витовта. «Государственничский» принцип периодизации, предложенный М.О. Кояловичем и П.Д. Брянцевым, удобен для изложения исторического материала, однако при этом возникают трудности, связанные с тем, что не так просто описывать процессы, для которых не характерна полная синхронность по отношению к геополитическим изменениям (в частности, явления в области социально-экономических отношений или в сфере духовной культуры).

Интересно отметить, что М.О. Коялович указывал на Галицко-Волынское княжество как на нереализовавшуюся в истории альтернативу ВКЛ в деле объединения «Западной России» (именно эту несбывшуюся возможность он имел ввиду, когда вел речь о «попытках Западной России образовать свой центр»). Попутно обратим внимание на то, что историк, возможно, в силу своих идеологических пристрастий, несколько небрежно обращался с терминологией – ведь и в его время было понятно, что России, ни Западной, ни Восточной, в XIII в. еще не существовало. Впрочем, и сейчас среди историков нет единого мнения о том, какая терминология наиболее уместна по отношению к восточнославянским землям периода распада Киевской Руси и образования ВКЛ.

Не совсем последователен был М.О. Коялович, когда утверждал о «соединении Литовско-Западнорусского княжества с Польшею, посредством чисто внешнего союза», имея ввиду период между Кревской и Люблинской униями. Всё дело в том, что, как явствует из его произведений, он именно в Кревской унии видел начало связанного с возрастанием польского влияния негатива в истории региона.

Прежде чем перейти к сюжету «образование ВКЛ в изложении историков-западноруссиков», необходимо обратить внимание на то, как они понимали историческую миссию Руси-России. Понимание это, на наш взгляд, вполне соответствовало принципам славянофильской философии истории. Смысл бытия России в истории М.О.Коялович усматривал в противостоянии кочевнической и мусульманской по преимуществу «Азии», а также и католическому Западу [3, с. 62]. Разумеется, поскольку в их трудах речь шла о «Западной России», угроза со стороны Запада, воплощением которого в данном случае были Тевтонский Орден и Польша, представлялась более актуальной.

Таким образом, вполне естественным, если можно так выразиться, выглядело то, что причины образования ВКЛ представители западноруссизма в историографии видели во внешней угрозе, исходившей с двух сторон: со стороны монголо-татар, стремившихся поработить население славянских земель, и со стороны крестоносцев, грозивших своей мощью Литве [5, с. 69 – 83; 6, с. 6, 7]. Поскольку ни ослабевшее к XIII в. Полоцкое княжество, ни Галицко-Волынское княжество, чья сила было подорвана Батыевым нашествием и последовавшими за ним событиями, не смогли объединить земли региона вокруг себя, то, по мнению М.О. Кояловича, эту роль выполнила Литва.

Следует отметить, что у самого лидера западноруссиков, несколько не сомневавшегося, кстати говоря, в балтской принадлежности населения т. н. «летописной» Литвы, сформировалось своеобразное отношение к литовцам, которое автор данной статьи осмелился бы охарактеризовать, как нейтрально-благожелательное. В слова «Литва» и «литовцы» он вкладывал современный нашей эпохе смысл, разделяя, однако, склонную к «обрусению» «верхнюю Литву» и стойкую в язычестве «Жмудь» и указывая на культурное превосходство над ними Руси [5, с. 83 – 89].

Солидарен с М.О. Кояловичем по вопросу о предпосылках образования ВКЛ и видный деятель следующего поколения западноруссиков Л.М. Солоневич. Весьма показательна для западноруссиковской историографии его оценка состояния балто-литовцев до начала их контактов со славянами (и поэтому она заслуживает пространной цитаты): «С XII же столетия начинаются столкновения западно-русских князей с соседними литовскими племенами. Племена эти жили среди лесов в неприступных труппах и находились они в полудиком состоянии, не имея ни городов, ни правительства и не составляя государства. Литовские племена в тот воинственный век представляли легкую добычу для нападений западно-русских князей, ходивших на Литву и вывопивших много пленных, продававшихся потом в рабство. Но, воюя с литовцами, русские князья умели и мириться с ними, даже родниться и заводить дружбу» [6, с. 6].

Характерно употребление автором термина «литовские племена» во множественном числе. Возможно, он хотел обратить внимание на недостаточную этническую консолидированность литовцев и на длительное сохранение у них архаической социальной структуры. Противопоставление отсталых литовцев культурным славянам приобретает у Л.М. Солоневича определенные черты гипертрофированности. Вообще говоря, историки-западноруссиксы всячески подчеркивали преимущество русских перед литовцами в области материальной и духовной, в том числе, политической культуры. Связано это было с тем, что они отстаивали тезис о первоначальной цивилизаторской роли по отношению к литовцам именно русских, а не поляков.

Данный тезис лег в основу западноруссистского понимания причин и характера образования ВКЛ. К примеру, М.О. Коялович характеризовал ВКЛ как «Литовско-Русское» государство (в одном месте он даже назвал его «западнорусским»), подчеркивая симбиоз русско-православного и литовско-языческого начал и утверждая, что «быт Литвы <...> складывался по русским началам и порядкам жизни» [5, с. 91].

В еще более четкой, даже, можно сказать, безапелляционной форме мысль о ведущей роли русских в процессе образования ВКЛ выразил П.Д. Брянцев [1, с. 91].

Однако представителям рассматриваемого течения в историографии надо было каким-то образом объяснить тот факт, что возникшее в XIII в. государство стало все-таки Литовским, а не «Русским». М.О. Коялович был склонен делать упор на добровольный характер присоединения русских земель к Литве [3, с. 101]. Как истинный славянофил, истоки этой добровольности он усматривал в присущей православии веротерпимости, столь отличавшей данную конфессию от воинствующего в своем миссионерстве католицизма [3, с. 92 – 96]. Это следовало понимать в том смысле, что русские люди, жившие в XIII – XIV вв., по-видимому, не испытывали особого психологического дискомфорта, переходя под власть литовских князей-язычников. Правда, историк все-таки посетовал на низкую миссионерскую активность православной церкви по отношению к населению Прибалтики. И действительно, этот фактор оказал существенное влияние на историю региона, поскольку распространение здесь католицизма в определенной степени можно объяснить инертностью православной церкви, в свое время не вспахавшей и не засеявшей обширное поле деятельности по христианизации балтского и финского населения Прибалтики.

Л.М. Солоневич, в своих исторических штудиях в основном следовавший, иногда по-эпигонски, за М.О. Кояловичем, все же несколько по-иному расставил акценты в вопросе образования ВКЛ. Процесс «литовско-русского» объединения проходил, по мысли Л.М.Солоневича, путем завоевания литовцами «разоренных (татарами – А.Л.) русских областей», причём он считал, что разорение коснулось и Понеманья [6, с. 7]. Но литовцы, «присоединяя к своему государству русские области, оставляли покоренным полную свободу вероисповедания, не нарушали внутреннего строя их общественной жизни, и даже оставляли в присоединенных русских областях природных русских князей. Вследствие этого, русские охотно подчинились Литве, так как не только не теряли от этого подчинения, но еще находили себе защиту от татар, зависимость от которых была несравненно тяжелее зависимости от Литвы» [6, с. 8]. Такую политику литовских князей Л.М.Солоневич считал «дальновидной» и отмечал, что «в Литовско-Русском государстве» «к XV столетию русские составляли 9/10 всего населения» [6, с. 8]. В общем «Литва мало-помалу делалась русской», и это происходило потому, что литовцы «перенимали от русских их нравы и обычаи, русский язык, русскую письменность и их православную веру», а также «роднились с русскими при посредстве брачных союзов» [6, с. 8].

Очевидно, что Л.М. Солоневич или некритически воспринял информацию белорусско-литовских летописей, содержащих вариации легенды о Полемоне, его спутниках и их потомках, или, что более вероятно, опирался на труды историков, которые без должной критики отнесли к данной информации. К примеру, историческая наука уже во времена Л.М. Солоневича никак не подтверждала версию о том, что земли по берегам Немана подверглись монголо-татарскому нашествию в период, предшествовавший вхождению этих земель в состав ВКЛ. Поэтому попытка объяснить этим факт данного вхождения является неубедительной.

Вместе с тем, интересно отметить, что Л.М. Солоневич постарался совместить тезисы, которые основная масса историков следующих поколений посчитала бы несовместимыми: он, как явствует из приведенной выше цитаты, отдал дань и концепции литовского завоевания восточнославянских земель, и тезису о добровольности подчинения русских Литве.

Мысль о том, что, по крайней мере, на протяжении «докревского» периода существования ВКЛ преобладала тенденция к балто-славянскому симбиозу, носившему мирный и конструктивный характер для обеих задествованных в процессе сторон, так или иначе повторяется на страницах трудов историков-западноруссиков. М.О.Коялович, например, даёт высокую оценку деятельности Миндовга, Гедимины и Ольгерда по укреплению государства и их стремлению к сближению с восточными славянами [2, с. 581]. Кстати, здесь уместно отметить, что, несмотря на очевидную идейную пристрастность лидера западноруссиков, он в большинстве случаев стремился давать более или менее объективные оценки личным, в т. ч. и деловым качествам исторических персонажей, вне зависимости от того, как он относился к их исторической, прежде всего, политической деятельности.

П.Д. Брянцев уточнял, что на заре существования ВКЛ шла борьба между православно-русской и «национально-литовской» партиями, а при первых Гедиминовичах произошло усиление русского влияния, и, опять же, отмечает мирный характер присоединения «русских областей» [1, с. 99, 102 – 106, 109 (прим. 1)].

Можно сказать, что и М.О. Коялович, и П.Д. Брянцев фактически признавали, что так называемое «Литовское» государство на первом этапе своего существования успешно решало задачу объединения в своём составе прежде всего восточнославянских земель и в этом отношении опережало Московское княжество. Подвергаясь влиянию более высокой русско-православной культуры, литовская элита постепенно русифицировалась и христианизировалась. Такой ход развития событий и процессов был нарушен, по мнению Кояловича, вокняжением Ягайло, при котором произошёл поворот ВКЛ к «латинству» [4, с. 10; 5; с. 94, 95]. Среди разных мотивов этого поворота историк называет желание Ягайло найти в союзе с Польшей выход из междоусобной борьбы, а также стремление поляков приобрести союзника в лице Литвы для борьбы с тевтонами и усилить своё влияние на восточного соседа, насадив среди литовцев католицизм [5, с. 111 – 120]. И здесь, на наш взгляд, с ученым можно вполне согласиться.

Как и его идейные предшественники, Л.М.Солоневич придавал роковое значение произошедшему в результате Кревской унии «соединению» ВКЛ с Польшей, которое он датирует 1386 г.: «Соединение это имело громадное и самое тягостное влияние на дальнейшие судьбы Литовско-Русского государства, так как Польша, благодаря обособленности ее исторической жизни (? – возможно, имеется ввиду обособленность этой страны от «славяно-русского» мира – А. Л.), была враждебна всему славянству и особенно русскому населению» [6, с. 8].

Распространение «латинства» в ВКЛ вызвало, по мнению лидера западноруссикской историографии, негативную реакцию в русском обществе, что породило новые усобицы и привело к вокняжению Витовта [5, с. 120 – 125]. Этот князь, небезосновательно называемый М.О. Кояловичем «великим человеком», сделал, по его мнению, «много крупных ошибок», но никогда не покидал «мысли о независимости, о величии Литовского княжества» [5, с. 135]. А вот П.Д. Брянцев почему-то дает Витовту резко отрицательную оценку, даже обвиняя его в трусости [1, с. 265].

Одной из таких ошибок, допущенных Витовтом, М.О. Коялович считает Городельскую унию 1413 года, согласно которой «литвины-латиняне поставлены в положение господ, русские-православные – в положение рабов» [5, с. 132]. Столь резкую и не совсем объективную оценку ученым условий этой унии вызвала действительно санкционированная ею политика дискриминации православных феодалов. Однако с категоричностью историка в данном случае нельзя согласиться, даже если принять во внимание, что термины «господа» и «рабы» в данном контексте, безусловно, употреблены в переносном значении. В самом деле, политическая дискриминация православных феодалов не только русского, но и, между прочим,

литовского происхождения не означала, по большому счету, их экономической дискриминации.

Естественно, что при оценке войны 1432 – 1435 гг. симпатии М.О. Кояловича на стороне Свидригайло – ведь его поддержал православный Восток княжества, а его соперника Сигизмунда Кейстутовича – «латиняне» [5, с. 137–140]. Произведя почему-то католика Свидригайло в православные, историк несколько облагораживает его, хотя отнюдь не идеализирует [5, с. 138]. В данном случае определенным образом сказалась стереотипность мышления видного историка.

Напротив, Сигизмунд Кейстутович, в описании М.О. Кояловича, – средоточие всяческих пороков [5, с. 139, 140]. При этом историк закрывает глаза на гибкость последнего, отменившего некоторые пункты дискриминационного для православных Городельского привилея.

Под конфессиональным углом зрения рассматриваются М.О. Кояловичем дальнейшие события XV в. С несколько утомительной монотонностью повторяется в разных вариантах тезис о постоянной угрозе независимости Литвы со стороны Польши – оплота католицизма в славянском мире [5, с. 141 – 147].

Состояние личной унии ВКЛ и Польши было, согласно заключению учёного, губительно для первого и склоняло его князей к прокатолической политике. Интересно, что в мятеже Михаила Глинского историк фактически не увидел столь любимого им конфессионального мотива [5, с. 148 – 150].

Реформацию в ВКЛ М.О. Коялович рассматривал как протест против католицизма и отметил, что на почве его неприятия произошло временное объединение литвинов-кальвинистов и православных [5, с. 157]. В связи с этим следует отметить, что, в принципе не давая отрицательной оценки Реформации в крае, он в целом относился к протестантизму негативно, приписывая ему, как и католицизму, стремление «поработить Россию» [2, с. 99, 100].

Однако и Реформация, в конце концов потерпевшая поражение, не привела к разрыву Литвы с Польшей, ибо, как считает М.О. Коялович, «над Литовским княжеством как будто носился злой дух и подстерегал малейшие проявления его самобытности, чтобы поразить их в самом начале» [5, с. 157].

Полной противоположностью хиреющему под натиском Польши Литовскому государству стала, по мысли М.О. Кояловича, Московская Русь. Учёный вполне оправдывает политику Москвы, направленную на аннексию ВКЛ [2, с. 617].

Такое отношение историка к Московскому государству вытекало из его главного тезиса, заключавшегося в утверждении, что «три ветви русского племени» – «одно есть». Этот тезис невольно для себя оспорил П.Д. Брянцев, подчеркнувший большую степень независимости и анархизма белорусов и украинцев по сравнению с русскими, всегда стремившимися к «высшей абсолютной монархической власти». Таким образом, Брянцев, опять же невольно для себя, указал на различие исторических путей этих народов [1, с. 119, 120].

Сущность позиции историков-западноруссиков по отношению к Люблинской унии наиболее ярко сформулировал П.Д.Брянцев. Он считал, что после заключения в 1569 г. Люблинской унии наблюдались следующие процессы: «Во-первых, усиленное стремление поляков к окончательному уничтожению и тени самостоятельности Литовского государства: для сей цели они в Литовском государстве прежнее политическое и гражданское устройство стараются заменить польским; во-вторых, принятие поляками разного рода мер к ассимилированию народностей, входивших в состав Литовского государства с собственно польским населением <...>; в-третьих, страшное восстание русско-православного народа, когда поляки задумали и его слить с собою и для сей цели стали употреблять слишком жестокие меры; в-четвёртых, вследствие фанатизма поляков по отношению к православным, а также упадка нравственности, отсутствия патриотизма и разъединённости сословий, самым

выдающимся явлением в исторической жизни Речи Посполитой в этот период представляется постепенный упадок и разложение обоих соединённых государств, и финалом всего этого была политическая смерть и Литвы, и Польши» [1, с. 376].

Причины Люблинской унии М.О. Коялович видел в перипетиях Ливонской войны, в желании литовских «бояр» (шляхты) приобрести равные права с польской шляхтой, наконец, в стремлении украинской магнатории найти в лице Польши защиту от крымских татар [4, с. 21, 22, 55]. Однако ему не удалось убедительно объяснить, почему уния была поддержана в первую очередь православными феодалами, тогда как отношение к ней со стороны белорусско-литовских феодалов преимущественно протестантского и католического вероисповедания было весьма прохладным.

Общая оценка межгосударственной унии у историков-западноруссисов отрицательная. В «последлюблинском» периоде истории края они не усматривали практически никакого позитива. Согласно Кояловичу, ни о какой даже относительной самостоятельности Литвы в составе объединённого государства не могло быть и речи. Ополячивание элиты общества, наплыв злокозненных иезуитов, усиление крепостничества, церковная уния 1596 г. – вот плачевные итоги Люблина в изображении лидера западноруссисов.

Ничуть не отличается оригинальностью позиция Л.М. Солоневича по отношению к рассматриваемому историческому событию: «Важнейшим результатом Люблинской унии было то, что она широко открыла двери Литвы для польских панов, шляхты, католического духовенства, иезуитов и евреев» – сентенция, почти повторившая аналогичную мысль Кояловича [3, с. 50 – 54; 4, с. 83, 84; 473, с. 10]. Всё это, как считал историк-публицист, было злом для Беларуси, Литвы и Украины: «Таким образом, литовско-русский народ терял одновременно два сословия – высшее и среднее: первое окатоличивалось и ополячивалось, переходя во враждебный русской народности лагерь; второе исходило с исторической сцены, вытесняемое еврейством. Оставался русским лишь простой народ, во главе которого стояло теперь православное духовенство <...>. Простой народ и духовенство упорно, хотя и пассивно, отстаивали православную веру и свою древнерусскую самобытность» [6, с. 11].

Можно сказать, что именно в отношении к образованию Речи Посполитой сказалась пристрастность, на грани ангажированности, западноруссисовской историографии.

Таким образом, историки, придерживавшиеся западноруссисовских взглядов наважнейшее место в истории Беларуси, Литвы и Украины отводили конфессиональному фактору. Политическая, в том числе и внешнеполитическая история ВКЛ занимала в концептуальных построениях западноруссисовской историографии хотя и второе по значимости, но всё же подчинённое, по сравнению с религиозно-конфессиональной историей, место. Подчинённость эта выражалась в системе оценочных критериев, по которым учёные, принадлежавшие к данному течению историографии, судили об этих образованиях, их политических институтах (хотя деятельность последних рассматривалась в очень малой мере) и конкретных персонажей политической истории. Естественно, чем более они служили интересам «латинства» и «полонизма», тем менее высокую оценку они могли снискать у этих учёных. Фактически не подлежала рассмотрению полифункциональная структура государств, и в очень малой степени рассматривалась его многогранная деятельность. И это при том, что и М.О.Коялович, и П.Д.Брянцев придавали огромное значение деятельности государства по организации общества, считая волю их правителей главным двигателем истории [1; 3; 5]. Однако в их работах далеко не всегда присутствует учет тех реальных обстоятельств, в которых действовали те или иные государственно-политические фигуры. Отдавая должное их личным качествам и пытаясь иногда оценивать их деятельность безотносительно к фактору религиозной принадлежности, они часто сбивались именно на конфессиональный критерий в их

оценке. А поскольку большинство этих деятелей придерживались прокатолической ориентации, то они попали в разряд «антигероев» концепции западноруссистской историографии, особенно такие деятели, как Ягайло или Сигизмунд Кейстутович [4, с. 10; 5, с. 94, 139, 140].

Несмотря на то, что в основу периодизации истории «Западной России» и М.О.Коялович, и П.Д.Брянцев положили государственно-политический принцип, эволюция рассматриваемых государств (ВКЛ и Речи Посполитой) изучается только в контексте преобладания в них той или иной религии. Поскольку позиции католицизма в этом регионе начиная с конца XIV в. неуклонно усиливались, то линия этой эволюции получается у М.О.Кояловича и его единомышленников нисходящей, а характер её трактуется как дегенеративный. Крушение Речи Посполитой выглядит в их построениях вполне закономерным, чуть ли не фатально заложенным в программу развития этого государства, причем создается впечатление, что фатальность эта явилась следствием даже не Люблинской, а Кревской унии вкупе с Горodelьской.

Если вести речь об историографической традиции, то, пожалуй, можно утверждать, что на историческое самосознание белорусского общества в советский период повлиял не столько западноруссизм в его классическом виде, сколько своеобразный гибрид марксизма в советском его понимании и реанимированной в сталинские времена идеи российской великодержавности, одним из локальных вариантов которой, по сути дела, и являлся западноруссизм с его неприятием католицизма и антиполонизмом, воспеванием единства русских, белорусов и украинцев. Излишне напоминать сведущему читателю, что практически все эти концептуальные положения были отражены в советских учебниках по истории СССР и БССР, хотя, конечно же, характерный для школы М.О. Кояловича православный монархизм там не был представлен.

Однако в то же время следует отметить, что как раз по вопросу оценки исторической роли ВКЛ в судьбах украинского, литовского и белорусского народов советская историческая наука существенно отступила от канонов западноруссизма. Дело в том, что она, в силу идеологических причин, никак не могла принять тезис о «Литовско-Русском государстве», поскольку этот тезис, в интерпретированном виде («Литовско-Белорусское государство»), мог быть использован (и использовался!) представителями оппозиционной, так сказать, национальной белорусской историографии. Впрочем, рассмотрение данного контекста анализируемой тематики требует отдельного исследования, результаты которого, возможно, будут представлены в другой статье.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Брянцев, П. Д. История Литовского государства с древнейших времён / П. Д. Брянцев. – Вильна, 1889. – 659 с.
2. Коялович, М.О. История русского самосознания: По историческим памятникам и научным сочинениям. – 4-е изд. / М.О. Коялович.– Минск: Лучи Софии, 1997. – 687 с.
3. Коялович, М.О. Лекции по истории Западной России / М.О. Коялович. – М., 1864. – 348 с.
4. Коялович, М.О. Люблинская уния или последнее воссоединение Литовского княжества с Польским королевством на Люблинском сейме в 1569 г. / М.О. Коялович.– СПб., 1863. – 87 с.
5. Коялович, М.О. Чтения по истории Западной России профессора М. Кояловича. Новое изд., переработанное и дополненное с 1-го изд. 1864 г. / М. О. Коялович. – СПб., 1884. – 349 с.
6. Солоневич, Л.М. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования, 1802 – 1902. / Л.М. Солоневич. – Гродно, 1901. – 106 с.
7. Цвікевіч, А. Г. «Западноруссизм»: Нарысы з гісторыі і грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX ст. / А. Г. Цвікевіч – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 347 с.